

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

АНТРОПОЛОГИЯ БАШКИР

Санкт-Петербург   АЛЕТЕЙЯ   2011

УДК 575.1(=512.141)
ББК 28.71(=632.2)
А72

*Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ
(проект №09-06-07043)*

Ответственные редакторы:
доктор биологических наук *Н. Х. Спицына*,
кандидат исторических наук *Н. А. Лейбова (Суворова)*

Рецензенты:
доктор исторических наук *А. А. Зубов*,
кандидат исторических наук *М. М. Герасимова*

Авторский коллектив:
*М. А. Бермишева, В. А. Иванов, Г. А. Киньябаева, Н. А. Лейбова (Суворова),
А. С. Лобов, А. П. Пестряков, Н. С. Савельев, В. А. Спицын,
Н. Х. Спицына, Т. П. Чижикова, Н. И. Халдеева, Р. И. Хусаинова,
Э. К. Хуснутдинова, Б. Б. Юнусбаев, Р. М. Юсупов*

А72 Антропология башкир / М. А. Бермишева, В. А. Иванов, Г. А. Киньябаева
и др. — СПб. : Алетейя, 2011. — 496 с., ил.

ISBN 978-5-91419-386-4

Монография подробно освещает полученные к настоящему времени физическими антропологами сведения о биологических (расовых) особенностях башкир, о конкретных характеристиках и разнообразии их локальных групп, о степени генетической близости башкир к другим народам Северной Евразии, об истории формирования антропологического своеобразия башкир. В таком объеме интеграция разнообразных антропологических сведений о башкирах осуществляется впервые. Монография — результат совместных усилий антропологов, генетиков, этнографов, археологов научных учреждений Москвы и Уфы (Институт этнологии и антропологии РАН, НИИ и Музей антропологии МГУ, Уфимский научный центр РАН). Издание является продолжением серии, посвященной антропологии отдельных народов нашей страны, в рамках которой уже увидели свет «Антропология ногайцев» (М., 2003) и «Антропология коми» (М., 2005).

УДК 575.1(=512.141)
ББК 28.71(=632.2)

ISBN 978-5-91419-386-4

9 785914 193864

© Коллектив авторов, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Башкиры — тюркоязычный народ, проживающий главным образом на территории Южного Урала. Основной территорией расселения является Республика Башкортостан. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, общая численность башкир на территории России составила 1673,4 тыс. человек, из них в Башкортостане проживает 1221,3 тыс. Башкиры являются четвертым по численности народом на территории Российской Федерации.

Будучи народом самобытным, с очень сложной историей формирования, они издавна являлись объектом изучения не только со стороны этнографов, но и антропологов. Первые наблюдения над физическим обликом башкир относятся еще к XVIII веку, классические труды С. И. Руденко, посвященные антропологии и этнографии башкир, вышли в первой половине XX века, последующие годы характеризуются очень интенсивными и многоплановыми антропологическими исследованиями среди различных башкирских групп. Именно башкирские популяции служили своего рода «плацдармом» для апробации новых методик и направлений (антропоэстетика, этногеномика), выявления их дифференцирующих способностей при решении вопросов происхождения и дальнейшей истории популяций. Эти многочисленные работы опубликованы разрозненно в тематических сборниках, некоторые стали библиографической редкостью. На высокую же заинтересованность в литературе по антропологии и этнографии башкир указывает факт переиздания в 2006 году труда С. И. Руденко «Башкиры: Историко-этнографические очерки» (М.-Л., 1955).

Задача представленной вниманию читателей книги — подробно осветить полученные к настоящему времени физическими антропологами сведения о биологических (расовых) особенностях башкир, о конкретных характеристиках и разнообразии их локальных групп, о степени близости башкир к другим народам Северной Евразии, об истории формирования антропологического своеобразия башкир. В таком объеме интеграция разнообразных антропологических сведений о башкирах осуществляется впервые. Данная монография является продолжением серии, посвященной антропологии отдельных народов нашей страны, в рамках которой уже увидели свет «Антропология ногайцев» (М., 2003) и «Антропология коми» (М., 2005).

Представленная монография явилась плодом совместных усилий антропологов, этнографов, археологов, генетиков научных учреждений гг. Москвы и Уфы (Институт этнологии и антропологии РАН, НИИ и Музей антропологии МГУ, Уфимский научный центр РАН) и являет собой прекрасный образец комплексного исследования.

Монография состоит из трех частей. В вводной части (главы I–V) приводятся археологический, историко-этнографический и демографический очерки. Глава I (Н. С. Савельев) и Глава II (В. А. Иванов) посвящены археологии Южного Урала и представляют новый взгляд на древнюю и средневековую историю этого региона. Живее представить себе самобытность башкир читателю помогает следующий за

ними историко-этнографический очерк башкир (Глава III — Р. М. Юсупов). Основные сведения об этнической демографии народа приведены в Главе IV (Г. А. Киньябаева). Глава V (Р. М. Юсупов), посвященная истории антропологического изучения башкир, повествует о том, как зарождался интерес к изучению внешнего облика башкир в XVIII веке, как расширялись исследования за счет охвата антропологической съемкой все новых территорий и включения в программу новых антропологических систем, как эволюционировали представления о происхождении башкир.

Первый раздел (главы VI–VIII) посвящен истории формирования антропологического состава башкир: прослежена динамика физического облика древнего населения Южного Урала начиная с эпохи бронзы, оценивается степень его участия в расогенезе башкир, рассмотрена краниология средневековых и близких к современности башкирских групп, а также место башкир в краниологии современного населения Земли (Глава VI, VII — Р. М. Юсупов; VIII — А. П. Пестряков, Р. М. Юсупов).

Во втором разделе монографии (главы IX–XIV) всесторонне изучено антропологическое разнообразие современных башкир, проживающих в Башкортостане и за его пределами. Исследования проведены в рамках как традиционных (соматологической, дерматоглифической, одонтологической) антропологических систем, так и новых (антропозстетика) (Глава IX — Т. П. Чижикова, Н. С. Смирнова; X, XI — Н. А. Лейбова (Суворова); XIV — Н. И. Халдеева). В этой части также приводится блок, посвященный генетике башкир. Историко-генетическое изучение восточных башкир (с использованием классических генетических маркеров), позволило исследователям определить основные параметры динамики формирования башкирской популяции, степень генного разнообразия, роль факторов микроэволюции, оценить вклад отдельных расовых компонент (Глава XII — Н. Х. Спицына, В. А. Спицын). К новейшим направлениям в генетике относится этногеномика башкир. На основе анализа митохондриальной ДНК, Y-хромосомы и Alu-инсерционных локусов сформирована целостная картина филогенетических взаимоотношений субпопуляций башкир и других народов мира и получена информация об отцовском и материнском вкладе в генетическую историю популяций башкир (Глава XIII — Э. К. Хуснутдинова и др.).

Наглядность работе придают многочисленные иллюстрации: карты, графики, фотоматериалы, сосредоточенные, главным образом, в Приложениях. Представляется, что этот коллективный научный труд будет интересен не только узкому кругу специалистов-антропологов, но и представителям смежных специальностей.

Н. А. Лейбова (Суворова)

Глава I

НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЫ И АЗИИ: ФАКТОРЫ ГЕОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Поистине уникальна башкирская земля... Ее без преувеличения можно назвать центром Евразии: здесь проходит наиболее зримая, обозначенная самой природой граница Европы и Азии, степь соседствует с тайгой, а Уральские горы — становой хребет Российского государства — уступают место широкому степному коридору, связующему Восток и Запад. Уральский хребет проходит через всю историю Евразии как одна из важнейших «осевых линий», консолидируя вокруг себя и связывая воедино самые различные народы и государства.

Как и любая другая горная страна, Урал обладал и обладает свойствами огромного магнита, притягивая к себе и перемешивая в своих пределах население как европейское, так и азиатское. В наиболее контрастном виде это характерно именно для Башкирии, являющейся основной частью Южно-Уральского региона¹. Вклиниваясь с севера в полосу зональных степей и лесостепей, Уральские горы создают значительную культурную пестроту как в пределах самой горной страны, так и на прилегающих территориях. Не зря в исторической науке Уральский регион воспринимается как огромный и крайне динамичный этногенетический котел, следствием чему — значительное количество и разнообразие археологических памятников, археологических культур (при всей условности этого термина), типов и вариантов.

---

¹ С историко-географической точки зрения в понятие «Южный Урал» включаются современные территории Башкортостана, Челябинской и Оренбургской областей, а также прилегающие части Татарстана, Курганской области РФ, Западно-Казахстанской, Актюбинской и Кустанайской областей Казахстана. С востока условная граница Южного Урала может быть проведена по краю Зауральского пенеплена, частично захватывая озерные равнины запада Курганской области и Тургайского плато. С юга эта граница может быть определена условной линией от истоков рек Орь, Илек и Эмба, расположенных в Мугуджарах, до оз. Челкар в Западном Казахстане, т. е. охватывая бассейн крупнейших левых притоков Урала в его широтном течении. Западная граница южно-уральского региона проходит от оз. Челкар к северу по средней части Бугульминско-Белебеевской возвышенности, конечная ее точка примерно соответствует району устья р. Белой. Северная граница региона проходит примерно по северной границе Башкортостана и Челябинской области. Северная и центральная части региона в меридиональном направлении делятся на три зоны: Южное Приуралье, Южное Зауралье и Уральскую горную страну, южная часть, в виду того, что горы здесь превращаются в полосу холмогорий, часто именуется Степным или Южным Приуральем, без разделения на зауральскую и собственно приуральскую зоны (Кушаев, 1993, с. 6–7; Гуцалов, 2004, с. 4–5; Ткачев, 2007).

Проводившиеся в середине — второй половине XX века активные археологические изыскания позволили не только провести первоначальное маршрутное обследование территории, но и определить основные характеристики этнокультурного развития южно-уральского региона в древности и средневековье. Они общеизвестны, обстоятельно изложены в многочисленных специальных изданиях и здесь не приводятся. Отметим только следующее. Во всех работах рефреном звучит мысль о том, что с древнейших времен Южный Урал является регионом активных контактов разнородных по своему происхождению групп населения и причиной этому — особенности его географического положения и строения. Результатом этих контактов, с одной стороны, является крайняя этнокультурная мозаичность территории, с другой, — постоянное формирование новых этнокультурных образований, отличающихся различной степенью устойчивости.

На этом фоне, характеризуя в целом основные моменты древней и средневековой истории Южного Урала, принципиально важно хотя бы очень контурно и предварительно показать наиболее общие закономерности освоения человеческими коллективами территории региона, их повторяемость в пространстве и времени, а также выявить причины пресловутого «географического детерминизма». В первую очередь это относится к тем его частям, которые находятся в непосредственной близости от горной зоны. По сути, речь здесь может идти уже о выявлении факторов *геокультурного* развития южно-уральского региона, который может быть выделен в особую историко-культурную область.

По моему мнению, существует очень небольшое количество общих закономерностей (факторов), которым в древности, средневековье и даже до-агрикультурном и до-индустриальном прошлом подчинялись динамика и направленность освоения региона, этнокультурные взаимодействия, процессы консолидации, сегментации, маргинализации и т. д. тех или иных обществ. Одним из частных проявлений этих закономерностей является и формирование башкирского этноса. Рассматривая Южный Урал как особую историко-культурную область (речь здесь идет преимущественно о структурном ядре региона — Башкирии), могут быть выделены три группы тесно связанных между собой факторов геокультурного развития региона:

1. Наиболее *общие закономерности*, структурирующие и определяющие весь историко-культурный облик региона (области).

2. *Коммуникационные закономерности (факторы территориальной связанности)*, определяющие тесные взаимосвязи между регионами, составляющими данную область; фактически это те векторы внутренних связей, которые, с одной стороны, объединяют внешне совершенно разнородные территории в единую историко-культурную область (ИКО), с другой, — обеспечивают связи самой области с окружающим миром и иными историко-культурными областями.

3. *Региональные закономерности*, структурирующие и определяющие историко-культурный облик того или иного региона, входящего в данную область.

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Фактор границы. Расположение региона на стыке Европы и Азии, леса с севера и степи с юга, значительное переплетение этих ландшафтных зон, вследствие

рассечения региона в меридиональном направлении на две части покрытыми лесом Уральскими горами, предопределили *крайнюю этнокультурную мозаичность* территории Южного Урала с глубокой древности, причем *ее степень прямо пропорциональна расстоянию до гор*.

Фактор внешней открытости. Западная часть региона является крайним восточным пределом лесостепей и степей Поволжья, северная часть — непосредственным продолжением и крайним южным пределом лесов Прикамья и Пермского Предуралья, восточная — крайним юго-западным пределом лесов Среднего Зауралья, западным пределом Зауральской лесостепи и естественной северо-западной границей Азиатских степей. Южная часть региона является северной окраиной Евразийского пояса степей. Положение Южного Урала на контакте с этими открытыми равнинными территориями делало *принципиально невозможным формирование этнокультурной «монотонности» региона*. В Приуралье этому дополнительно способствовали особенности строения речных систем (радиальный «*речной узел*» в центре историко-культурной области и широтный — по его южной границе; см. об этом ниже), в Зауралье — цепь озер по краю горной зоны и широтный «*речной узел*», связывающий северо-восточный край ИКО с лесостепным и лесным Притобольем и равнинами Западной Сибири.

Фактор вектора внешних связей. Начиная со времени сложения кочевнических культур в степях Евразии, западная, приуральская часть региона оказалась тесно связана со степным населением Западного Казахстана, Устюрта и частично Поволжья, Зауралье — с кочевниками Центрального Казахстана, Приаралья и более восточных областей Центральной Азии (Таиров, 2007). При этом приаральские этнокультурные компоненты, наряду с Зауральем, в значительно меньшем количестве присутствовали также и в Приуралье.

Фактор силы внутренних связей. Наличие горной страны в центре Южно-Уральского региона и ее трансзональное положение привели к формированию в регионе особой «меридиональной» природной поясности, существующей наряду с широтно ориентированными природными зонами. Протянувшаяся вокруг гор плодородная полоса предгорий, что особенно важно в степной зоне, хорошо обводненные межгорные долины с богатым травостоем, относительно труднодоступные изолированные ландшафтные ниши с благоприятными условиями для проживания и ведения хозяйства, близкое соседство и тесное переплетение открытых и облесенных пространств — все это являлось важным (если не важнейшим) фактором притяжения разнородных человеческих коллективов к окраинам горной страны. Этот момент являлся основанием того, что *главной направленностью связей южно-уральского населения во все эпохи являлись внутренние, консолидационные, детерминированные «осевым» положением горной страны*. Следствием этой особенности является следующий важный вывод — *несмотря на открытость региона к окружающим пространствам, Южно-Уральская историко-культурная область — внутренне закрытый, автономный регион*, структурированный не только сильными внутренними, но и «пограничными» связями, явно прослеживающимися на некоторых участках (Бугульминско-Белебеевская возвышенность, северная граница Уфимского плато и Месягутовской лесостепи, восточная граница Зауральского пенеблена и т. д.) границы региона (Савельев, 2004а, 2007а). Ввиду этого, находки каких-либо материалов, характерных для центральной части Южно-

Уральской ИКО, крайне редки (точнее — единичны; в данном случае не идет речь о культурах, занимавших огромные пространства или известных случаях оттока населения из региона) не только на сопредельных территориях, но даже и на окраинах историко-культурной области.

Фактор накопления этнокультурных компонентов. Генеральной линией развития региона в древности и средневековье, ввиду его определенной автономности от прилегающих зональных равнин и, при этом, расположения на стыке нескольких крупных историко-культурных областей, являлось *накопление* в полосе предгорий и прилегающих равнин совершенно разнородных этнокультурных компонентов, их ассимиляция и вызревание на этой основе метисных образований с разным возрастом субстратных и суперстратных слоев. Для лесного и лесостепного населения во многом этому способствовало наличие «радиального» речного узла, тесно связанного с северными территориями, для кочевников — значительная ширина и сильная неоднородность приуральской лесостепи, плавно переходящей в степную зону.

В качестве некоторых примеров прихода на Южный Урал населения из иных областей Евразии для эпохи бронзы могут быть названы вольско-лбищенская, абашевская, саргаринская и бархатовская культуры (Ткачев, 2007), для эпохи раннего железа — ананьинская, гамаюнская, тасмолинская культуры (Иванов, 1994; Борзунов, 1992; Таиров, 2000) и разнородные памятники кочевников раннескифского времени, имеющие своими истоками культуры Саяно-Алтайского нагорья и Восточного Туркестана (Савельев, 2006а; Таиров, 2007), для эпохи средневековья — появление курганов «с усами», турбаслинской, кушнаренокской и караякуповской культур (Боталов и др., 2006; Сунгатов, 1998; Иванов, 1999) и т. д. Яркий пример ухода с территории Южного Урала всего один — древние венгры-мадьяры (носители караякуповской культуры), мигрировавшие в конце I тыс. н. э. в Подунавье (там же).

Фактор ландшафтной асимметрии региона. Географическое строение южной части лесостепных равнин, прилегающих с запада и востока к Уральским горам различно, и это имело непосредственное значение для их освоения как лесостепным, так и степным населением. Так, в Приуралье к северу от степи расположена облесенная Бугульминско-Белебеевская возвышенность, отделенная от Уральских гор достаточно узким Бельско-Демским степным коридором с неразвитой речной сетью, простирающимся к северу практически до низовий левобережья р. Белой. Для оседлого лесостепного населения это приводило к тому, что все открытые пространства по левому берегу р. Белая оказывались не заселенными, правобережье же было освоено очень плотно. Наряду с этим в ареал расселения приуральских оседлых культур входили также левобережные районы р. Белой в ее нижнем течении и северная окраинная часть Бугульминско-Белебеевской возвышенности по бассейнам рек Ик (приток Камы) и Сюнь (приток Белой).

Таким образом, *основной массив территорий проживания оседлого приуральского населения* (за исключением узкой полосы предгорной лесостепи по правому берегу р. Белой) *был отделен от степи широкими незаселенными пространствами* (Овсянников, 2006), *протянувшимися с севера на юг примерно на 200–250 км и спорадически использовавшимися кочевниками в качестве летовок.* Данное положение, естественно, препятствовало установлению тесных аккумулярующих

контактов степного и лесостепного населения. Впервые бельское левобережье начинает широко заселяться лесостепным населением во второй половине I тыс. н. э., в данном случае им являлось мигрировавшее из Зауральской лесостепи *полукочевое* население кушнаренокской и караякуповской культур и, несколько позже, — предки носителей чияликской культуры. Именно носители последней, попав в орбиту влияния Волжской Болгарии и испытав на себе воздействие тюркоязычных степных кочевников, и явились ядром формирующегося башкирского этноса (Иванов, 2006).

В Зауралье конфигурация лесостепной зоны совершенно иная: основной ее массив вытянут широкой ориентированной на восток полосой к северу от р. Уй (т. е. значительно севернее, чем в Приуралье), восточные склоны Уральских гор также окаймляются узкой полосой лесостепных ландшафтов. Этот язык предгорной лесостепи в эпоху раннего железа вплоть до широты Магнитогорска был освоен оседлым населением гамаюнской и иткульской культур, что, вероятно, приводило к тесным контактам с кочевывшими по степной зоне вдоль хребтов номадами (Котов, Савельев, 2007); во второй половине — конце I тыс. н. э. и начале II тыс. н. э. редкие курганные могильники кочевых угров (кушнаренокская и кара-якуповская культуры, мрясимовский тип) протянулись еще южнее — вплоть до современных городов Баймак и Сибай (Мажитов, 1981). Южная часть основного массива Зауральской лесостепи — до широты Челябинска и р. Миасс — активно осваивалась кочевниками начиная еще с раннесакского времени, при этом какого-либо лесостепного населения здесь не было. Северная часть Зауральской лесостепи (от р. Миасс на юге до р. Исеть на севере) была местом плотного проживания оседлых и полукочевых групп населения (для эпохи раннего железа — иткульская, гамаюнская культуры, различные постмежовские группы), являясь одновременно крайним пределом проникновения кочевников (Таиров, 2000). *Структурирование этой территории «широтным» речным узлом (Исеть — Миасс — Уй) определяло силу горизонтальных связей (запад — восток) при доминировании именно восточного вектора на фоне накопления этнокультурных компонентов с юга.* Именно этим и определялась конфигурация границ саргатской историко-культурной общности, улуса Шибана или, к примеру, этнокультурного ареала средневековых культур с резной и гребенчато-шнуровой керамикой.

Фактор внутренней динамики «кочевой степи». Говоря о накоплении этнокультурных компонентов, необходимо все же учитывать, что центральные области Южного Урала (под которыми мы в первую очередь понимаем предгорную лесостепь) являются наиболее закрытыми во всей Южно-Уральской историко-культурной области, и приток новых компонентов, во всяком случае — со стороны степи, не был постоянным и равномерным процессом, а также подчинялся определенным закономерностям. Расположение степного пояса на южной оконечности региона, как уже отмечалось, приводило к *видимости* их «тесного соседства» и даже значительного переплетения, однако *воздействие «кочевой степи» на лесостепь различалось и во времени и в пространстве.* В основном можно говорить о том, что ареалы большинства номадических культур Южного Урала, так же, как, например, в Поволжье, не выходили за пределы степного пояса и выплески кочевников на более северные территории были либо единичными, либо отсутствовали вообще. В отдельные периоды, что, возможно, было связано с климатическими изменениями (ранне- и среднесарматское время), номады достаточно активно